

355608

Курганов, О

В ПОМОЩЬ АГИТАТОРУ

К 9303

НАСТЕНЬКА

О. Х. Л.

ГАЗЕТНО-КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО ОБКОМА ВКП(б)
САРАТОВ. 1943.

Т о в а р и щ !

*Прочитай эту книжку вслух у себя на пред-
приятии или в колхозе, госпитале, школе,
домохозяйкам.*

*После читки проведи беседу о чудовищных
зверствах немецко-фашистских извергов По-
ставь перед слушателями вопрос, чем каждый
из них может помочь Красной Армии быстрее
разгромить ненавистного врага.*

НАСТЕНЬКА

В день своего отступления из деревни Мишинка, что вблизи Вязьмы, немцы сожгли 15-летнюю девочку Анастасию Макарову, или, как все звали ее в селе, Настеньку.

Ночь перед ее трагической гибелью была тревожная, в деревне никто не спал. От избы к избе ходил староста в большом грязном тулупе, подсчитывал всех способных передвигаться—стариков, женщин, ребят-шек. Свет лучин бросал неясный отблеск на мрачное, обросшее лицо старосты; строго и сердито он всех предупреждал:

— Никому не отлучаться! Утром придет обер-лейтенант, укажет путь.. Никому не отлучаться. Понятно?

В небольшой избе Андрея Макарова староста застал хозяина и его дочь. Она варила суп из картофельной шелухи. Андрей Макаров, уже пожилой человек, лежал на печке.

— Нас погонят?—спросил он у старосты.

— Утром придет обер, он укажет,—ответил староста и повернулся к Настеньке.—А ты, красавица, собираешься?

— Я с мамой буду,—отозвалась Настенька.

Постояв с минуту в притихшей, настороженной избе, староста ушел. Это был человек злобный и мстительный. Он появился вскоре после того, как деревню заняли немцы. Откуда он пришел, кто он, где он жил до осени 1941 года? Этого никто не знал. Он пришел в деревню в немецком поношенном мундире и всем рассказывал о своей дружбе с обер-лейтенантом. Немало русских людей он предал и погнал на казнь.

В одну из темных зимних ночей кто-то бросил ручную гранату в окно дома, где жил староста. Была убита лишь его жена. С тех пор староста стал еще более жестоким. В деревню приехал тогда обер-лейтенант, высокий и худой немец. Он поймал двух стариков—Назара Михайлова и Сергея Суховеева, ходивших за сучьями в лес, и в тот же день повесил обоих.

С Настенькой, красивой, светлоглазой и рослой девочкой, обер-лейтенант встретился во дворе ее дома. Он часто потом посылал за ней старосту или солдата, но всегда ее не оказывалось дома. Не могли найти ее и в деревне. Она одиноко жила в узкой яме, вырытой в хлеву у Архаровых. Долгие зимние ночи ей пришлось провести в этом заточении, не показываясь на улице. Старуха Архарова носила ей воду, хлеб и мякину, которые передавала мать Настеньки. Никто не знает, о чем думала только вступающая в жизнь девочка в те ночи и дни, когда ей приходилось прятаться. Только Архарова, оставшаяся в деревне, так как она не могла двигаться, вспоминает сейчас, что Настенька все допытывалась:

355608

— Долго ли еще немцы будут здесь?

Ее успокаивали: вот к весне их прогонят.

Настенька жила надеждой. Зима казалась ей вечной. Пойдет ли снег, она пожалуется: «Опять метет.. Когда это все растает?» Усилится ли мороз—она вздыхает: «Теперь уже не скоро весна...»

Спустя некоторое время она вернулась домой.

В деревне любили Настеньку. Она выросла здесь, и все ее знали. Голод сваливал, а тиф, свирепствовавший в смоленских деревнях, уносил обессиленных, изможденных и истощенных людей в Мишинке. Смерть бродила по домам, а трупы умерших немцы заставляли сваливать в прорубь реки. В этой жизни, полной горя и мучений, Настенька оставалась смешливой и наивной. У Архаровых она просиживала вечера. Все говорила про те годы, когда она училась, или заглядывала в будущее: то ей хотелось быть доктором, вернуться в деревню и прожить здесь всю, всю жизнь; то ей представлялся какой-то большой город, где она будет ходить, никого не таясь, тогда она уже будет большой... Что она сделает? Настенька задумывалась, и глаза ее блестели.

— Мы пойдем в театр, и хлеб будет у всех. Вот только снег растает..

Так жили люди в деревне Мишинка до той ночи, когда к ним пришел староста. Вместе с тревогой, вызванной все приближавшимися орудийными выстрелами и пожарами, застилавшими весь горизонт до самого дальнего леса, явилась волнующая и близкая надежда: вот уже идут наши. Над дорогой видели светские самолеты, днем и ночью отступает немецкая армия; теперь и голод переносится не с такой тяжестью. Только бы дожить до того дня...

Но на рассвете этого долгожданного дня в деревню

приехали немецкие солдаты. Теперь уже сам обер-лейтенант ходил по избам и выгонял всех на улицу. Староста едва успевал за ним. В домике Макаровых они застали и Настеньку.

— Куда итти?—спросила она у старосты.

— Пойдете с нами,—ответил он и вышел из избы.

Настенька обняла мать и прошептала:

— Мама, я останусь... Не могу я больше с немцами!

— Что ты, Настенька, убьют они тебя..

Кто-то постучал в окно, и Настенька заторопилась. Она выбежала во двор и знакомой дорожкой пробралась в хлев к Архаровым. Узкая яма, едва прикрытая ветками, вновь стала ее убежищем.

На площади перед домом, где жил староста, собрались все жители деревни. Немцы лишили их свободы, хлеба—всего того, что давала плодородная русская земля; теперь у них отнимали и землю, и кров. Люди жались друг к другу. Мука и горе объединили их, и они только спрашивали: куда поведут?

Все эти восемнадцать месяцев, когда были немцы, люди жили только надеждой на освобождение. Теперь приближалась эта надежда, а их угоняют полуодетых, голодных куда-то к немцам, в неизвестность, а может быть, и на смерть.

В доме Архаровых осталась одна старуха. Она едва двигалась, но все же, шатаясь, побрела по двору. В хлеву она увидела спрятавшуюся Настеньку.

— Бабушка Аксинья, что там, не ушли?—спросила Настенька и выглянула из своей ямы.

— Нет, родная, еще держат. Куда их погонят—один бог знает..

— Бабушка, а где мама?

— Там, все там. Одни мы с тобой остаемся. Дождася ты, Настенька..

— Как я буду без мамы? Бабушка, тяжело ей будет без меня. Может, мне итти?

— Куда ты, только тебя нехватало там! Дождидайся-ка наших. Давеча сказывали—за лесом они...

— Бабушка, а тебе не страшно?

— Чего уж тут бояться. Ты не показывайся. Я принесу хлеба—одни мы с тобой остались.

Старуха ушла. Немецкие солдаты рыскали по всей деревне в поисках спрятавшихся. Настенька побежала к лесу. Ее поймали. Два немца притащили к площади избитую, задыхавшуюся от борьбы Настеньку. Она легла на снег, содрогаясь от рыданий.

К ней подошел обер-лейтенант с переводчиком.

— Куда ты хотела бежать?—спросил он.

— В лес. Никуда я не пойду из деревни, никуда,—повторяла она с каким-то детским упрямством.

Обер-лейтенант ударил ее сапогом. Она застонала. Но солдат ее поднял. Обер-лейтенант снял с нее ватник, валенки и чулки. Он делал это улыбаясь. Это, должно быть, доставляло ему наслаждение. Теперь Настенька стояла перед ним босая, с развевавшимися темными волосами, молчаливая, и вздрагивала от холода.

К ней подошел староста.

— Настенька,—сказал он,—ты боишься умереть?

— Да, боюсь,—ответила она и повернулась к толпе и тем людям, которых она знала с детских лет.

Настенька попыталась сесть на снег, обессилев и от побоев и от той тяжести, которую ей приходилось нести в это ясное, солнечное утро. Но солдат вновь ее поднял. Мать позвала:

— Настенька, иди ко мне.. Настенька..

Она шагнула из снега, но синие и окоченевшие ноги уже не удержали—Настенька упала. Ее подняли и

еновь ударили. Тогда мать крикнула:

— Пустите меня, я с ней умру..

Но солдат оттолкнул ее. Она поползла по снегу. Вскоре притихла. Архарова так и не знает, что с ней сделали: может быть, она потеряла сознание. Немцы ведь здесь били всех, кто пытался двигаться.

К Настеньке подошел обер-лейтенант и спросил:

— Теперь ты хочешь итти?

Настенька покачала головой и опустилась на колени. Она уже не могла стоять. Она глотнула снегу и закашлялась. Два солдата подняли Настеньку и понесли к забору. Никто еще не знал, что собирались с ней делать. Потом они привязали ее к краю забора. Он тянулся, этот забор, вдоль площади. Солдаты побежали к концу площади и, облив забор керосином, подожгли его. Постепенно огонь полз туда, где была привязана Настенька. Тянулись долгие, тревожные минуты. Немцы, должно быть, хотели испытать волю Настеньки, этой пятнадцатилетней русской девочки. Но за эти минуты она уже повзрослела. Она уже прямо и стойко держалась, как воин, стоящий лицом к лицу с врагом. Огонь тянулся к телу Настеньки. Но она его как будто не замечала.

Тогда солдат выломал две дощечки из забора, облил их керосином, положил к ногам девочки. Но синие ноги уже не ощущали ни огня, ни холода. Она вскрикнула и застонала тогда, когда воспламенились ее волосы. Обер-лейтенант что-то приказал, и солдат деловитой, неторопливой походкой пошел к автомашине, достал бутылку, нацедил в нее бензина, потом с той же будничной неторопливостью вернулся к забору и облил Настеньку. Огонь охватил ее. Она закричала:

— Мама, мамочка родная!.. Мамочка!

Она звала свою мать, пока пламя не спустилось к

№ 14-47-52
ее горлу, и она начала задыхаться. Настенька еще что-то хрипела, но ничего нельзя было разобрать. Потом она сжалась, согнулась, опускаясь все ниже и ниже, словно готовясь к прыжку.

Настенька умерла.

Еще долго был виден факел, то угасавший, то вновь поднимавшийся к небу.

Немцы заторопились. Они подожгли деревню и погнали жителей на запад. В деревне остались лишь три старухи. Они встретили наши войска и показали им почерневшую и обуглившуюся Настеньку.

Ее положили на орудейный лафет и накрыли полковым знаменем. Мимо тела героической русской девочки Анастасии Макаровой проходили танки с открытыми люками. И вытянувшиеся танкисты, артиллеристы, пехотинцы, приближаясь к лафету со знаменем, снимали шлемы и каски. Они несли в бой самую страшную, непобедимую силу для врага: тот неукротимый, свободолюбивый и гордый дух русских людей, который дал силу пятнадцатилетней девочке Настеньке Макаровой принять мученическую смерть, но не склониться перед немцами.

О. КУРГАНОВ

Действующая армия.

Отв. за выпуск Н. Богданова.

Корректор Н. Пржевальская